

А. Н. ТОЛСТОЙ И В. Я. БРЮСОВ. К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. И. Хайлов

Известна характеристика литературных отношений А. Толстого и В. Брюсова, согласно которой Брюсов «верил в А. Толстого» и, критикуя отдельные произведения молодого писателя, исходил в своих суждениях из того, что было главным в нем, — его талантливости; Толстой же видел в Брюсове одного из лидеров литературного движения, опытного редактора и ценителя искусства, к которому в этом качестве не раз обращался¹. Однако нужно заметить, что в отношениях Толстого и Брюсова были как взаимная заинтересованность, так и разноречия человеческого и творческого плана. Брюсов не принадлежал к числу тех людей, с которыми у Толстого возникла духовная близость. И сам неизменный характер обращений к Брюсову в письмах — «Многоуважаемый Валерий Яковлевич» — свидетельствует о существовавшей дистанции между писателями.

Брюсову было лестно взять под свое покровительство многообещающего молодого поэта. А для Толстого внимание Брюсова являлось особенно ценным в тот период, когда, оставив Технологический институт, он стремился оправдать свой новый выбор, утвердиться в литературе.

Сохранились ранние письма Толстого к Брюсову. И если первое из них, направленное из Парижа в 1908 г., содержит вежливый вопрос: «Могут ли пойти в „Весы“ стихи мои, которые я прилагаю к письму»², то приподнятый тон второго письма (тоже 1908 г.) убеждает, что литературные отношения завязались и развиваются в желательном для Толстого направлении. «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, — писал в нем Толстой, — очень, очень рад слышать от Вас мнение о стихах моих. Сознаюсь, мне было страшно свеситься на чаше Весов Ваших, но теперь я еще сильнее углубился в той исходной точке творчества, которая намечалась всегда и независимо от моих хотений»³. Уже в этом суждении Толстого чувствуется собственный взгляд на творчество; ясно выражена в нем и признательность Брюсову, который вместе с другими известными писателями заметил и поддержал Толстого.

Хотя Толстой, возвратившись из Парижа в Петербург, направляется к А. М. Ремизову, который, читаем в толстовском письме

к М. А. Волошину (осень 1908 г.), «сразу взял меня в ученики и обругал и обхвалил»⁴, знакомится с Вяч. Ивановым и его друзьями, молодой писатель не забывает и Брюсова, ищет возможности встретиться с ним. Об этих встречах в Москве и Петербурге мы находим лаконичные записи в дневнике Брюсова (зима 1908—1909 г.): «„Эстетика“. Гр. А. Толстой в Москве»⁵ и далее: «У Маковского. Переговоры о „Аполлоне“. Гр. А. Толстой»⁶. По-видимому, более примечательной была встреча зимой 1908 г. в московском литературном обществе «Свободная эстетика», основанном в 1907 г. В. Я. Брюсовым и И. И. Трояновским. Здесь собирались видные художники, композиторы, литераторы. На одном из заседаний «Свободной эстетики» Толстой читал свои стихи.

«При гробовом молчании, замирая от ужаса, освещенный двумя канделябрами, положив руки на красную с золотой бахромой скатерть, читал я „Чижика“ и „Козленка“, и „Купалу“, и „Гусляра“, и „Приворот“.

А против сидели каменные поэты и роскошные дамы (женщины). После чтения подходят ко мне Брюсов и Белый, взволнованные, и начинают жать руки»⁷. В связи с этим поэтическим дебютом Толстого среди московских литераторов Волошин, в свою очередь, сообщал Брюсову: «Мне писал Толстой, что виделся с Вами в „Эстетике“ и читал при Вас стихи свои. Скажите, какое впечатление вынесли Вы? Мне он кажется весьма самобытным, и на него можно возлагать всяческие надежды. В самом духе его есть что-то подлинное, „мужицкое“ в хорошем смысле»⁸.

На заседаниях «Свободной эстетики», очевидно, было выражено то же мнение. «Здесь,— вспоминает Андрей Белый,— Москва знакомилась с Алексеем Толстым, которого подчеркивал Брюсов»⁹. Кроме того, свое положительное отношение к поэзии Толстого Брюсов высказал, опубликовав в журнале «Весы» (1909, № 1) его стихи «Сомакан», «Семик», «Косари».

Сотрудничество Толстого и Брюсова продолжалось и в 1910—1912 гг., когда Брюсов возглавлял литературный отдел журнала «Русская мысль». Общаясь и переписываясь с ним, Толстой не упускал случая лишний раз услышать о своих вещах мнение опытного литератора, авторитетного редактора, пусть даже и иначе, чем он сам, понимавшего художественные задачи. Эта возможность, несомненно, была куда предпочтительней отношений с работниками небольших журнальчиков и литературных приложений, где он также печатал свои произведения¹⁰. «Я был очень обрадован вчера, получив Ваше письмо <...> В „Русской мысли“ мне очень приятно работать под Вашим редакторством»,— писал он 11 сентября 1910 г. из Петербурга. Толстой благодарит в этом письме Брюсова за отзывы на стихи — он готов прислушаться к замечаниям — и обращается к нему с просьбой: «Рассказ „Туманный день“ <...> для меня новый, и объективно не могу на него посмотреть: хорош ли он или плох, имеет ли ценность и какую <...> Вы очень меня обяжете, Валерий Яковлевич, если напишете мне Ваше о нем мнение»¹¹.

Активный интерес к Толстому-литератору проявил в начале 1910-х годов и Брюсов. Письма Брюсова к Толстому не сохранились (кроме незаконченной и, по-видимому, не отправленной открытки, датированной 30-м сентября 1908 г.¹²). Но мы можем в какой-то степени судить об его отношении к Толстому по переписке Брюсова с редактором «Русской мысли» П. Б. Струве.

Желая увеличить число подписчиков журнала, Брюсов приглашает выступить на его страницах многих известных литераторов, в том числе и Толстого — молодого, но уже достаточно известного и даже модного писателя. Суровый Брюсов, видимо, не скупится на похвалы. Не потому ли, отвечая своему корреспонденту, Толстой скромно замечает: «Конечно, я не судья своим произведениям, но мне показалось, что они слишком еще элементарны, чтобы заслужить такой отзыв»¹³. Узнав о согласии Толстого сотрудничать в «Русской мысли», Брюсов с удовлетворением сообщает Струве 16 сентября 1910 г.: «Гр. А. Н. Толстой ответил мне и обещал прислать повесть из русской жизни, прося гонорар по 150 р. за лист», — и получает согласие редактора. «Толстой, — продолжает Брюсов, — несомненный талант, писатель-реалист, „восходящая звезда“; в альманахах „Шиповник“ ему платят несравненно больше»¹⁴. Брюсов одаривает Толстого знаками внимания: осенью 1910 г. он посылает ему сразу две свои книги¹⁵, одной из которых скорее всего был сборник рассказов и драматических сцен «Земная ось» (Изд. 2-е. М.: Скорпион, 1910).

Впрочем, за этой деловой стороной было бы неверно не видеть иных возможностей литературного общения. Во всяком случае размышления Толстого в письме Брюсову от 22 октября 1910 г. об опубликованных в книге «Земная ось» сценах из будущих времен «Земля» отличает заинтересованность, выходящая за пределы отношений автора с его журнальным редактором.

Толстой искал в те годы реалистические пути в драматургии. Его пьесы (скажем, «Насильники») сохраняли черты социально-бытовой драмы. Сцены Брюсова были иными. В них господствовала философская фантастика. И хотя икаровский порыв одного из героев «Земли» к солнцу заканчивался неудачей, гибельной для земной цивилизации, масштабность высвеченных в пьесе проблем власти, подвига увлекла Толстого. Он хочет отметить эту вещь, несомненно выделявшуюся по интеллектуальной насыщенности среди многих пьес текущего репертуара, размышляет о том, что «фантастика — коренная и малоприметная область театра», обращается к опыту Мейерхольда, который «ищет фантастики движения и ставит пантомиму» «Мне сдается, — пишет Толстой, — что это начало нового театра, который завершится преувеличением и богатством уже не положения, а ума; такой пантомимой ума и представляется мне Ваша пьеса в грядущем»¹⁶.

Мог ли Брюсов с таким пониманием эстетических и жанровых особенностей произведения вглядываться в написанное Толстым?

Перед Брюсовым, внимательно следившим за поэзией, особенно за поэзией молодых, прошло поэтическое становление Толстого, он

видел, как утверждался в толстовских стихах своеобразный интерес к творчеству народа. Еще до выхода в свет он читал сборник Толстого «За синими реками», делился своими соображениями с автором, а в обзоре «Новые сборники стихов» («Русская мысль», 1911, № 2) писал об этой книге: «Мне остается сказать лишь об одном поэте, тоже почти дебютанте (если не считать его ранних, чисто ученических попыток, прошедших совершенно незамеченными), но в то же время являющемся почти сложившимся мастером: говорю о гр. А. Н. Толстом. Не столько знание народного быта, всего того, что мы называем безобразным словом „фольклор“, но скорее какое-то бессознательное проникновение в стихию русского духа составляет своеобразное очарование поэзии гр. Толстого. Умело пользуясь выражениями и оборотами народного языка, присказками, прибаутками, гр. Толстой выработал склад речи и стиха совершенно свой, удачно разрешающий задачу — дать не подделку народной песни, но ее пересоздание в условиях нашей „искусственной“ поэзии. Все предыдущие попытки в этом роде — Вяч. Иванова, К. Бальмонта, С. Городецкого — значительно побледнели после появления книги гр. Толстого. Отдельные цитаты не могут передать всей самобытности стихов молодого поэта; и интересующихся приходится отослать к его книге»¹⁷.

В отзыве уловлено действительно характерное для поэзии Толстого: цельность творческого сознания, самобытность склада речи и стиха.

Сложнее было восприятие Брюсовым прозы Толстого. О рассказе «Родные места», полученном вместе с рукописью повести Б. Садовского «Двуглавый орел», он писал Струве: «Обе вещи оказались ниже моих ожиданий, хотя безусловно „приемлемыми“. Рассказ г. Толстого „Родные места“ довольно обычный „бытовой“ рассказ. Дело происходит в деревне, куда к дьячку приехала его дочь, ставшая ...артисткой... Есть кое-какие интересные сцены и меткие черты в обрисовке характеров, за что можно простить некоторую анекдотичность сюжета»¹⁸. Рассказ «Родные места» — в этом Брюсов прав — не принадлежит к числу лучших произведений Толстого, но он не ограничивается только уровнем обычного бытового повествования: анекдотическая ситуация, в которую попадает актриса, попытки местного ловеласа шантажировать ее — все это лишь подчеркивает боль молодой женщины, которой родные места виделись такими милыми, прекрасными. Если в стихах Толстой изображал красоту и естественность взаимного влечения, любовь торжествующую, то в прозе художник с болью говорил в те годы о порушенной красоте и чистоте, об отталкивающих ликах современной ему действительности. Именно поэтому и «Родные места», и «Туманный день» — другой рассказ, присланный Толстым в «Русскую мысль» — при всех их недостатках представляются нам все-таки более значительными, чем они охарактеризованы Брюсовым.

Были ли у Толстого и Брюсова такие точки, в которых бы они глубинно соприкасались? Делясь с Волошиным своими соображениями относительно театральных новаций Мейерхольда, Толстой вы-

сказал предположение, что на их основе может родиться искусство комедии, с помощью которого «обновятся и распахнуты чахлые души»¹⁹. Теперь ясно, что Толстой переоценил возможности мейерхольдовских опытов, но в данном случае для нас существенно другое, а именно высказанное попутно понимание смысла работы художника, жажда поднять и распрямить человека, что по общему смыслу своему перекликалось с брюсовским стремлением увидеть человека возвеличенным трудом, с его «Хвалой человеку». При этом все-таки индивидуальные эстетические подходы Толстого и Брюсова к решению творческих задач, понимание творческих путей в искусстве были весьма различны, а подчас и противоположны.

Толстой мог согласиться с тем, что холодноватый брюсовский стих стал эталонным для молодых его последователей, которые достигали подчас неплохих результатов. Рекомендуя редактору одного из периодических изданий молодого поэта Катанского, Толстой писал: «Ученик Брюсова, он очень недурно владеет рифмой и в „Риме“ мне очень нравится»²⁰. Но собственный литературный опыт все более убеждал Толстого, что глубинные пути искусства лежат не в области совершенного владения рифмой или умения добиваться чеканной формы, отточенности каждой строки. В феврале 1910 г. он написал Волошину: «Теперь я так отошел от поэзии, что стал понимать ее настоящую красоту, таинственную грусть, которой так мало в поэзии подбрюсовского толка»²¹.

Толстой, ценивший в искусстве естественность и цельность, не мог разделить брюсовского рационализма; ему был чужд волевой напор поэзии Брюсова, равно как и восхищение властным героем, сокрушающим непокорные царства и народы. В статье Толстого «О Волошине» (она публикуется в настоящей книге), написанной в годы его активного общения с редактором литературного отдела «Русской мысли», Брюсов охарактеризован как «лжепарнасец», как поэт, который использует возможность «чувствовать через волю, проникать хотеньем своим в сокровенное и волей создать кумира». Пути такой поэзии — «не <...> от чувств к словам, а обратно» — расходятся с представлениями Толстого, для которого поэзия скорей чувственна и не предписывает бытию логически выведенных задач, а отдается стихии жизни:

Верю, верю, мир чудесен,

В мире столько милых песен.

Все поет: земля и высь;

Этой песне подчинись.

Сотрудничество писателей продолжалось, пока взаимная заинтересованность друг в друге оказывалась сильнее внутренних разногласий. Принимая рассказ Толстого «Туманный день», Брюсов сообщал Струве 25 января 1911 г.: «Рассказ Толстого, конечно, не очень хорош. Но сейчас Толстой самый видный из молодых беллетристов. Нам очень полезно дать его вещь как подписанную видным именем писателя, о котором много говорят. Кроме того, он уже настолько на примете, что даже неудачи его интересны. Разумеется, второй раз я уже не удовольствуюсь каким-либо его рассказом, но буду требовать хорошего»²². Рассказ был опубликован («Русская

мысль», 1911, № 2), потребность дать вещь, «подписанную видным именем писателя», была удовлетворена, а в ноябре 1912 г. Брюсов ушел с поста редактора литературного отдела «Русской мысли» и его переписка с Толстым оборвалась.

В 1912 г., переехав в Москву, Толстой еще навещал Брюсова. С. И. Дымшиц-Толстая вспоминает: «Бывали мы и у Валерия Яковлевича Брюсова, где за скромно накрытым столом слушали тихие и умные речи хозяина, его размеренное чтение стихов, его критические замечания, произносимые тоном непререкаемого авторитета»²³.

Позднее Толстой встречался с Брюсовым в 1918 г., когда они оба работали в Наркомпросе. Сохранились сведения о письме Брюсова Толстому от 22 июня 1918 г. с приглашением принять участие в Кинематографическом комитете Наркомпроса²⁴. Однако эти встречи, судя по воспоминаниям Н. И. Петровской, запомнившей рассказ об этой поре жизни писателей со слов Толстого, не свидетельствовали о близости их отношений²⁵.

Толстой не оставил о Брюсове воспоминаний и редко упоминал о его творчестве.

¹ Основные черты такой характеристики находим в содержательной публикации *Сивоволова Б. М.* «А. Толстой. Письма к Брюсову». — Вопросы русской литературы. Львов, 1978. Вып. 1 (31). Далее сокращенно: *Письма*.

² *Письма*, с. 136.

³ Там же.

⁴ Цит. по статье: *Куприянов И. Т.* К истории взаимоотношений А. Н. Толстого и Максимилиана Волошина. — Радянське літературознавство, 1974, № 7 (163), с. 66. Далее сокращенно: *Куприянов*.

⁵ *Брюсов В.* Дневники 1891—1910. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927, с. 141.

⁶ Там же.

⁷ Первый наставник. Из писем Алексея Толстого к Максимилиану Волошину / Вступ. заметка, составл. и коммент. Вл. Купченко. — Лит. обозрение, 1983, № 1, с. 109.

⁸ *Куприянов*, с. 67.

⁹ *Белый Андрей.* Между двух революций. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934, с. 222.

¹⁰ Стихи Толстого «Пастух», «Трава» и др. появились в журнале «Остров» (1909, № 1; вышел единственный номер этого издания). Один из прозаических опытов писателя, «Поэт злосчастный», был опубликован в приложении к газете «Копейка», носившем название «Искорки» (1910, № 5—6). Стихотворение «Рисунок» было напечатано в журнале «Черное и белое» (1912, № 1, вышло всего два номера журнала).

¹¹ *Письма*, с. 139—140.

¹² ГБЛ, ф. 386, карт. 72, ед. хр. 45.

¹³ *Письма*, с. 137.

¹⁴ Лит. архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, т. 5, с. 283. Далее сокращенно: *Л. архив*.

¹⁵ «Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, — писал Брюсову Толстой, — еще раз благодарю за присылку книг, я получил их две» (*Письма*, с. 139).

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7-ми т. М.: Худож. лит., 1975, т. 6, с. 366.

¹⁸ *Л. архив*, с. 286.

¹⁹ *Куприянов*, с. 69.

²⁰ *Толстой А. Н.* Письмо Л. М. Василевскому (копия), не датировано. — ЦГАЛИ, ф. 108, ед. хр. 61, оп. 1, л. 1.

²¹ *Куприянов*, с. 69.

22 Л. архив, с. 313.

23 Воспоминания, с. 75.

24 Такого рода сведения содержатся в неопубликованной хронике жизни и творчества Толстого, составленной Ю. А. Крестинским (ИМЛИ, ф. 43, н. п.).
В архиве Толстого упомянутое письмо Брюсова не сохранилось.

25 Петровская Н. И. Из воспоминаний.— Лит. наследство. М.: Наука, 1976, т. 85, с. 787.